

КАТЕГОРИИ «ОТКРЫТОЙ» И «ЗАКРЫТОЙ» РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ КАТОЛИЦИЗМЕ

Е. К. Полянская

В настоящее время в Польше не стихает начавшаяся несколько лет назад оживлённая дискуссия, цель которой — определить место Церкви в современном мире. Есть разные точки зрения, но всё чаще приходится слышать, что только теперь Церковь столкнулась с настоящей опасностью и необходимо оказать сопротивление натиску секуляризации, связанному с переходом к открытому обществу, основанному на принципах конкуренции и свободного рынка. Это ситуация релятивистского плюрализма демократии: нам бросает вызов не плюрализм как таковой (некоторые говорят, это скорее шанс, чем угроза), а связанный с ним (насколько неизбежно — вот вопрос) релятивизм. Иногда тезис формулируется более жёстко: за переменами стоят «определённые силы», сознательно стремящиеся ослабить Церковь, если не уничтожить её.

В рамках осмысления проблематики данного вопроса следует рассмотреть тему «открытого» и «закрытого» католицизма. Эти понятия — своего рода ключ к пониманию того, насколько по-разному католики реагируют на новую ситуацию. Проблематика данного вопроса уже поднималась в западноевропейской и американской Церкви, которые не прошли через опыт коммунистической диктатуры, но рано подверглись испытанию культурным плюрализмом. Продолжение дискуссии на эту тему, как и создание теоретической базы, представляется крайне важным, так как непосредственно касается вопроса, в какой форме будет существовать католическая культура или, точнее, культура католиков (что особенно существенно, если под термином «культура» понимать язык межлического общения¹). Диалог, как и построение определённой теоретической базы, необходим: он приведёт к поиску более глубокой основы для разговора. В противном случае мы увязнем в обычной публицистической склоке, которая ничего нового не привнесёт и уж тем более не приблизит к решению проблемы.

Именно тема отношений между двумя (а может быть, тремя?) типами католицизма² стоит в самом центре разгорающихся в Польской католической церкви споров.

Следует помнить, что развернувшаяся в Польше дискуссия — это фрагмент и продолжение великого спора, не стихающего в Европе по крайней мере со времён Просвещения и, как показывает опыт, до сих пор не исчерпанного. В Новое время в спорах о религии подчёркивались два момента: истина и польза. В первом случае акцент в дебатах делался на вопрос об истине и Благой Вести. Во втором — критики отмечали антигуманистический, как они полагали, характер религии, её негативную общественную роль, состоящую в порабощении людей. Спиноза считал религию исключительно фактором, дисциплинирующим массы, которые, утратившись, становятся послушны своим земным владыкам. Такой взгляд порождает критическую схему, которая часто воспроизводится в самых разных вариантах.

В свою очередь, защита религии состояла в доказательстве того, что все эти аргументы не касаются первоосновы, сути религии и что речь постоянно идёт «не о том» (по замечательному определению Достоевского).

Понятия религии «открытой» и «закрытой» следует рассматривать в контексте этой дискуссии. Они нужны для того, чтобы разобраться в этом «не о том», чтобы достоверно описать то измерение религии, которое неподвластно редукционистской критике. Эти категории введены в философскую литературу Бергсоном³, но, разумеется, не принадлежат исключительно ему. «Закрытая» и «открытая» мораль и религия — идеальные сущности; это всего лишь модели, весьма приблизительно описывающие реальность, но полезные для анализа конкретных наблюдений.

«Замкнутая» мораль — система этики, функционирующая в социуме, где всеобщее преобладает над индивидуальным и желает его себе подчинить. В этом случае человек продолжает оставаться частью живой природы: основной императив вида — выживание, действия всех его представителей должны быть направлены на достижение этой высшей цели. Личность подчинена целям вида и в своём поведении обязана руководствоваться только законами группы, а не индивидуальными мотивами.

«Открытая» мораль — это система ценностей, которыми руководствуются люди, стремящиеся следовать примеру тех, кто воплотил в себе порывы творческого нонконформизма. Вдохновляющая сила такого нонконформизма в том, что масштабные личности причастны к истоку самой жизни. Иными словами, это не мораль кодекса и нормы, а мораль, основанная на мистическом контакте с Богом.

Посмотрим теперь на бергсоновские категории «открытой» и «закрытой» религии. Религию «закрытую» (статичную) Бергсон определяет, прежде всего, как защитную реакцию вида и человеческого общества на деструктивную работу интеллекта. Человек — единственное из всех живых существ, которое может, утратив умение руководствоваться инстинктом, погубить свою жизнь. Религия дисциплинирует его, предъявляя требования, которым он должен соответствовать; она противостоит парализующему страху смерти, делающему невозможным полноценное участие в жизни. В этом великая мудрость, в том числе и земная; религия даёт надежду на жизнь вечную, противостоит неуверенности в будущем, той неуверенности, источником которой является интеллект.

Итак, статичная (закрытая) религия сводится к выполнению социальной функции (по Дюркгейму): она формирует общество и помогает реализовать его требования к индивидууму тем, что дисциплинирует личность. Иными словами, статичная религия — это желательный для критиков тип религии, выполняющий большинство функций, которые эти критики замечали и отрицали в ней.

Иное дело религия динамичная («открытая»): в ней Бог есть Бытие и ценность неинструментальная, не подчинённая никакой общественной пользе. Она «открыта» в том смысле, что не подчинена принципу интегрирования замкнутой общности, но, проповедуемая и своим, и чужим, является религией апостольской, направленной на передачу всем и каждому. И ещё одна отличительная черта — благородное равновесие между двумя аспектами религиозной жизни: соборным и мистическим (требующим уединённости). «Открытая» религия — это не религия

толпы, она состоит не столько в исполнении праздничных обрядов, сколько в сосредоточенном, гармоническом соучастии в единении с божественной сущностью. Прежде всего это религия мистиков: они составляют её ядро, они прорываются к самому важному, ведя за собой других, менее отважных и одарённых.

Пригодны ли определённые таким образом категории «открытой» и «закрытой» религии для описания ситуации, в которой находится католическая Церковь в наши дни?

В богословском языке укоренены иные образы, образы библейского происхождения: Церковь может быть понята либо как замкнутая твердыня, либо как народ Божий, кочующий по дорогам времени. В первом случае мы имеем дело с пониманием Церкви как меньшинства, окружённого враждебной толпой, которая дышит ненавистью к сторонникам Христа; этим последним ничего не остаётся, как запереться в твердыне и переждать нападение неприятеля. Народ Божий тоже стремится к цели, преследуемый врагами, окружённый враждебными племенами. Но, сражаясь, он осознаёт, что главная угроза в нём самом, в его неверии и грехе.

Как эти категории могут помочь в описании ситуации, в которой мы оказались? Что это за ситуация? В чём самый трудный вызов времени? В какой действительности мы вновь и вновь пытаемся самоопределиться? Можно ли в современном католическом мире упорядочить всё многообразие идейных и теологических течений в соответствии с простым дихотомическим принципом «открытости/закрытости»?

Полагаю, эту модель надо несколько усложнить, поскольку реальность никогда не имеет бинарной структуры, она всегда многоаспектна. Для того чтобы упорядочить представления о присутствии Церкви, в том числе Польской церкви, в обществе, здесь применимо различать три вида католицизма. Католицизм, принявший II Ватиканский собор, т. е. католицизм в пределах, обозначенных этим Собором в единстве с учением Петра, назовём католицизмом «открытым». Его оппонентами будут два противостоящих друг другу крыла: католицизм «закрытый», т. е. отвергающие Собор старокатолики, и католицизм «размытый», выводящий Церковь за пределы самой Церкви.

«Закрытый» католицизм. В чистом виде эта разновидность возникла после Собора. Её рождение ознаменовано бунтом епископа Лефевра⁴ и возникновением движения интегристов⁵. Вопреки общепринятому мнению, принципиальным мотивом неприятия постановлений II Ватиканского собора, утверждённых затем папскими решениями, был отказ не столько от реформы богослужения, сколько от содержания «Декларации о религиозной свободе» («*Dignitatis humanae personae*» — «О достоинстве человеческой личности»), вызвавшей на Соборе наибольшие споры: отказались принять этот документ 249 епископов.

Идейная схема или, точнее, идейная система «закрытого», обороняющегося католицизма имеет, на наш взгляд, следующие черты.

Теологическая доминанта — сосредоточенность на трансценденции Бога как Творца вселенной и Законоустановителя, который будет судить человека сурово, хотя и справедливо. В то же время теология имеет вид завершённой системы, выражающей неизменную Истину (*veritas Domini manet in aeternum* — Истина Господня пребывает в вечности) в формулировках, которые не подвержены (не должны быть

подвержены!) ни малейшим изменениям. Теология, выражая надвременную истину, не может включаться в диалог с современной ей культурой.

В область веры человек вступает благодаря рождению и воспитанию; что же касается личного выбора, тяжбы с Богом и поиска истины — ко всему этому «закрытый» католицизм относится с недоверием. В религиозной педагогике акцент делается на подчинении Церкви, отождествляемой с духовенством, а не на ответственности, проистекающей из свободы. При чтении некоторых текстов этого направления может сложиться впечатление, что в первую очередь ценность личности определяется её принадлежностью к церковной общине и только потом её индивидуальными достоинствами.

Иногда к чертам «закрытого» католицизма прибавляется ещё один аспект — смешение мирских элементов и религиозных, национально-племенных и христианских. Католицизм оказывается фактором, обосновывающим бытие национальной общности; при этом одновременно подчёркивается его универсальное предназначение.

Представителей этого течения отличает недоверие к внешнему миру. Такой тип католицизма тяготеет к построению Церкви как общности автаркической не только в теологическом, но и в социологическом смысле: это проявляется в создании конфессиональных партий и объединений (чтобы католики контактировали только с католиками), а все внешние сношения принимают форму крестового похода (как стремление отвоевать утраченную территорию). Создаётся множество католических организаций; например, в Голландии и Бельгии до II Ватиканского собора существовали товарищества католических футболистов и пекарей, пенсионеров-католиков и пожарных-католиков⁶. Именно на этой почве могли возникнуть формулировки вроде: «Католик должен голосовать за католика, а еврей за еврея» (чрезмерный акцент на слова Христа: «Кто не со мною, тот против меня». Мф. 12: 30).

«Закрытый» католицизм — это оборонительно-наступательная формация; он охотно пользуется военной терминологией, с готовностью защищает политическую систему, которая позволяет ему существовать именно в таком виде. Но по этой же причине столь мощно укреплённый монолит по-детски безоружен перед различными манипуляциями, его очень легко использовать. Это объясняется ярко выраженной социальной природой «закрытого» католицизма: ощущение силы ему придаёт не реальность Бога, а сознание того, что за ним стоят массы верующих (Дюркгейм говорил: для общества — нации? — религия есть способ самообожания).

В Польше интегризма не было, или, выражаясь осторожней, он не бросался в глаза. Немного поворчали, сожалея о латыни, но мудрая позиция примаса⁷ Вышинского⁸, решительность и благородная умеренность в проведении реформ не способствовали формированию радикальных взглядов. Разумеется, важную роль сыграла и необходимость сохранять единство католиков перед лицом коммунистического вызова.

Однако вопрос снова встал на повестку дня после бархатной революции, когда потребовалось, чтобы каждый гражданин новой Польши взял на себя ответственность не только за весь народ, но и за государство. Как самоопределиваться в ситуации, когда стали появляться и набирать силу тенденции равнодушия и даже прямой враж-

дебности не только к Церкви, но и вообще к основным евангельским принципам? Имеем ли мы право терпимо относиться к растлителям? Не попытаться ли, приняв на себя ответственность за слабых и малых, создать правовую систему, которая бы их защищала? Эти вопросы рождены не жадой власти, не грубым восторгом перед нею. Это великий вызов, с которым столкнулись последователи Христа.

«Размытый» католицизм. Это понятие охватывает очень разные тенденции, в том числе и возникшие после Собора, на волне радикализации церковных реформ. Пожалуй, важнейшая теологическая черта этого направления — отождествление христологии с антропологией, а вследствие этого смешение трансцендентной цели человека с его стремлением к земному раю, иными словами, смешение эсхатологии с утопией. Это наблюдалось у некоторых групп, связанных с «теологией освобождения», и проявлялось в отдельных тенденциях, развившихся на стыке католицизма и «нью-эйджа»⁹ (скажем, при отождествлении религии и психоанализа в теориях Эжена Древермана).

Для «размытого» католицизма характерен также тезис о том, что Церковь не должна отличаться от светской общности. Напротив, ей следует стремиться к полному слиянию со структурами «земного государства», внося в него евангельскую «закваску». Однако при этом порой умалчивается, что тем самым Церковь рискует потерять смысл своего назначения.

«Размытый» католицизм не позволяет личности индивидуально соизмерить себя с Богом. Популизм «теологии освобождения» предопределяет «массовый» характер религиозности, не оставляя места мистическому уединению. Подобным же образом обстоит дело с правым национализмом: независимо от того, идёт ли речь о «нации» (как в националистических идеологиях) или о «народе» (как в «теологии освобождения»), индивидуальное бытие теряется.

Важно подчеркнуть одно обстоятельство: католицизм может быть «размыт» в равной степени как справа, так и слева. Парадоксально, но связанная с коммунизмом «теология освобождения» (распространённая в современной Южной Америке) была довольна близка позиции правых политиков, неверующих «католиков», которые пытались превратить Церковь в оборонительный бастион монархических «окопов Святой Троицы».

По моему убеждению, это интегризм, и он принимает два обличья: левое («теология освобождения») и правое. Смысл обеих позиций един: превратить религию в орудие достижения политических целей. В Польше это отчётливо проявилось в том, как легко политики ПАКСа¹⁰ переходили с левого фланга на правый — вот уж поистине хрестоматийный пример политического нигилизма.

В Польше не было и нет «теологии освобождения» («интегризма слева»), подобной южноамериканской. Нет и выраженных теологических течений, которые бы к этому устремлялись. Попытки смонтировать похожую «контестаторскую»¹¹ теологию имели место, но они были следствием манипуляций извне. Зато исконный характер имеют попытки «размыть» католицизм, смешав его с национальной идеей и патриотическими лозунгами, иными словами, проявления «интегризма справа».

«Открытый» католицизм. Доминанта богословия — христология, учение о Воплощённом Слове, которое стало телом и пребывает среди нас. Место пребывания

Слова — Церковь, через неё Бог пребывает со своим народом на его историческом пути. Бог, Отец Христа и Отец каждого, кто крещён, — это Бог милосердный, Отец блудного сына, который, согрешив, имеет возможность вернуться из самого дальнего далёка. Теология есть постоянное усилие, нацеленное на то, чтобы полнее постигнуть Слово Откровения, живущее в Церкви. Теология не готовая система, которую следует просто тиражировать и проповедовать. Не отрицая тождества веры, она подчёркивает необходимость всё новых и новых попыток постигнуть Откровение.

Важно отношение к обретению веры. Большинство людей приходят к ней из христианской культуры. Однако вера — плод не культуры, а благодати, и потому «открытый» католицизм активно подчёркивает личностный, а не только общинный аспект веры, понимаемой как всеобъемлющее доверие к Богу и Его Слову. Это доверие реализуется не только в принадлежности к церковной общине, но и в тайне индивидуальной связи с Богом, иными словами, в тайне свободы.

Отношения с миром понимаются иначе, чем в концепции «закрытой» Церкви. Церковь — это не замкнутая твердыня и не отряд крестоносцев, который нечто отвоёвывает с оружием в руках. Церковь — народ Божий, идущий по дорогам истории к трансцендентной цели, но верный своей земной отчизне, которой он должен принести спасение. Церковь — это «таинство для мира» (по определению одного из крупнейших современных теологов Ганса Урса фон Балтазара).

Эту роль понимают не все, Церковь сталкивается с противлением, непониманием и невниманием. Она со всеми вступает в разговор, но, в зависимости от обстоятельств, разговор принимает разные формы. Ответ на противление — апологетическая защита. На непонимание — герменевтическое усилие, объяснение смысла веры. На невнимание — диалог, задача которого — показать смысл евангельской проповеди. Церковь вслушивается в голос «мира», поскольку отношения Церкви и мира имеют не монологический, а диалогический характер [как сказано: *omne verum a quocumque dicatum de Spiriti Sancto est* (Всё истинно, что возведено Духом Святым)].

Напряжение не исключает сотрудничества, и поэтому «открытые» католики охотно входят в объединения и партии, отнюдь не католические по названию и программе, исходя из того, что их роль — всюду нести закваску евангельского хлеба, хотя для этой позиции характерно стремление не смешивать земные и небесные структуры.

«Открытый» католицизм в Польше принимал разные формы и устремлялся в разных направлениях, которые порой входили между собой в конфликт. Назову два из них: первое — течение, которое представлено мыслью и пастырским служением кардинала Вышинского, второе — обозначенное светскими центрами, продолжающими традицию довоенного «Одроззения» (что выразилось в публицистике еженедельника «Тыгодник повшехны», журнала «Знак» и движении КИКов¹²).

После 1956 г., особенно в период II Ватиканского собора, казалось, что пути эти как бы разошлись. В адрес Вышинского высказывались упреки, что он слишком тесно связал Церковь с Нацией (всегда с большой буквы) и слишком осторожно проводил в Польше предписанные Собором реформы. Начну с первого из этих упреков.

Иногда примаса представляют поборником «национальной» Церкви. Это недоразумение. Человек создан Богом по своему образу и подобию (именно человек в единичности его субъективного бытия), он «всегда первый». Кардинал Вышинский писал: «Нация, чьей идентичности для полноты развития требуется своя культура, всё же смертна; человек бессмертен. Правда, люди умирают, а нации остаются, но в последний день из мёртвых воскреснут не нации, а люди. Человек перерастает даже самую могущественную нацию, потому что оказывается, что у нации нет полной власти над человеческой личностью...»¹³.

Итак, человек не только элемент большей структуры, независимо от того, как её назвать, «нация» или «класс». Человек первичен. Его невозможно изначально подчинить какой-либо общности, потому что именно в личном бытии человека, в его единичности, индивидуальности происходит таинственный диалог души с Богом. Уединённость — центр, из которого вытекают прочие отношения.

Таким образом, личность независима от нации и государства. Следует это подчеркнуть как существенную черту проповеди примаса и в то же время как выражение учения Церкви в сфере христианской антропологии.

Однако отношение к другим личностям (в том числе к семье, нации) не есть нечто внешнее и случайное. Оно вписано в суть бытия и человеческий опыт: бытие человека до тех пор всего лишь *потенциально*, пока оно не воплощается в решения и принятую на себя ответственность. Человек, чтобы поистине *быть*, должен существовать во взаимоотношениях с другими. А поскольку связи эти естественны (ибо вырастают из самой природы человека, её несамодостаточности), они имеют не формальный, а органичный характер, возникают спонтанно.

Конечно, если при описании польского католицизма руководствоваться бергсоновскими категориями, образ реальной религиозности будет включать в себя элементы обоих типов церковного сознания, в том числе и «открытого» католицизма. Однако вопрос этот деликатный, и в настоящее время мы то и дело сталкиваемся с попытками подменить иерархию ценностей. Когда слышишь лозунг «Костёл на службе нации», понимаешь: огромный опыт живущей на этой земле Церкви стремятся запереть в тесном загоне национализма. А закрыть то, что по своей природе открыто, значит изувечить.

Группа польских католиков (наследующая довоенному «Одродzeniu»), которые признавали себя сторонниками «открытого» католицизма, сознательно использовала этот термин, чтобы определить свою позицию, ссылаясь на категории статичной и динамичной религии, почерпнутые из бергсоновской теории. «Открытые» католики были убеждены, что Церкви необходимо выстоять перед великим цивилизационным вызовом и только «открытая» формация в силах справиться с этой задачей. Было две тенденции. Первая понимала исторический вызов в духе итальянских демохристиан, обдумывая возможность «исторического компромисса» между католиками и коммунистами. Вторая рассматривала проблему не в категориях реагирования на политические требования момента, но как вызов, брошенный Церкви теми сложными цивилизационными переменами, которые можно назвать *modernite*

и которые являются вовсе не результатом действий «определённых политических сил», а результатом серьёзных культурных сдвигов.

Следует сказать со всей определённостью, что именно вторая тенденция была поддержана Собором, и именно это придало ей новую динамику. Среда «Тыгодника повшехного» и «Знака» и связанная с ней часть духовенства были ангажированы в дело соборного обновления и даже пошли на конфликт, который придал выполнению решений Собора драматический характер. Однако это была среда, заинтересованная в том, чтобы Церковь ответила на цивилизационный вызов, среда, убеждённая в том, что необходимо ответить на «знамения времени» без какой-либо упрощающей деформации учения.

Однако «открытый» католицизм тоже не гарантирован от опасностей: политические силы могут и его превратить в инструмент. Так, благородные в основе своей мысли и поступки Мунье¹⁴ послужили в конечном счёте упрочению левых тенденций в мышлении значительной части европейских интеллигентов и политической практике.

¹ Kłoczowski J. A. A myśmy się spodziewali... Poznań, 1990. S. 19–27, 229–241.

² Ключовский Я. А. Открытый католицизм и его враги // Знак. 2001.

³ Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 258.

⁴ Марсэль-Франсуа Лефёвр (Marcel-François Lefebvre, 1905–1991) — католический архиепископ, генеральный настоятель Конгрегации Святого Духа (CSSp) (1962–1968), основатель и генеральный настоятель Священнического братства св. Пия X (FSSPX). Критически отнёсся к некоторым решениям Второго Ватиканского собора и последующим реформам в католической Церкви. В 1988 г., после посвящения четверых епископов без необходимого для этого разрешения, он был объявлен Папой Иоанном Павлом II отлучённым от Церкви и образовавшим раскол; ни сам Лефевр, ни его сподвижники не признали этого отлучения действительным; отрицают его законность и некоторые другие авторы. По сей день священники FSSPX при своих богослужениях поминают Папу и местного ординария; в то же время Папа не признаёт полного канонического общения с ними.

⁵ Движение, возникшее в результате несогласия с реформами II Ватиканского собора.

⁶ Конец подобных сообществ был драматичен.

⁷ Примас (от лат. *primas* — первенствующий) — в католической и англиканской Церкви почётный титул главнейших епископов.

⁸ Стефан Вышинский — польский кардинал, архиепископ-митрополит Варшавско-Гнезденский, примас Польши.

⁹ Нью-эйдж (от англ. *New Age*, буквально «новая эра») — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера, сформировавшихся в XX в., иногда называемый движением «Новой Эры», «Эрой Водолея» и «Новым Веком». Зародилось в XX в. Последнее яркое проявление — после Второй мировой войны. Достигло наибольшего расцвета в 1970-е гг.

¹⁰ Польская ассоциация светских католиков.

¹¹ От «контестаторы» (названия левых католиков).

¹² Клубы католической интеллигенции.

¹³ *Wyszynski S. Z rozważań nad kulturą ojczystą*. Poznań, 1979. S. 46.

¹⁴ Эммануэль Мунье — французский философ-персоналист.